

A woman with long, wavy red hair stands on a rocky shore, looking out at a harbor. She is wearing a long, tan-colored dress. In the background, several blue and white boats are anchored in the water under a clear sky.

Ominayashi

*Город Мор или Как Боль
и Страх полюбили друг
друга*

Ominayashi Ominayashi

Город Мор или Как Боль и Страх полюбили друг друга

<https://litres.ru/74583064>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город Мор, или Как Боль и Страх полюбили друг друга» — сказочная притча о чувствах, которые ходят по улицам наравне с людьми, и о том, что даже самые пугающие из них способны на нежность.

Город Мор стоит на самом краю земли, где суша сдаётся морю. Здесь чувства не прячутся внутри — они живут как все: торгуют на рынке, пьют вино в тавернах, ведут интриги. Самые могущественные из них — Боль, женщина из рыжего тумана и медных колокольчиков, от красоты которой хочется отвернуться, но не можешь, и Страх, её извечный спутник и противник. Они властвуют над городом, и никто из людей не решается оспорить их силу — потому что Боль и Страх всегда рядом, всегда вместе, и в этом их неразлучности есть что-то, чего сами они пока не называют.

Повесть — о том, как два самых нелюбимых чувства узнают в друг друге не врага и не союзника по власти, а того, кто понимает

их лучше, чем кто-либо. И как город, живущий в тени Боли и
Страхa, discovers, что тень — не всегда мрак.

Ominayashi

Город Мор или Как Боль и Страх полюбили друг друга

Город Мор, или Как Боль и Страх полюбили друг друга

Глава первая. В которой мы знакомимся с городом, который стоит на самом краю земли

Город Мор лежал там, где суша уже почти сдалась морю — словно измученный путник, который опустился на колени перед бесконечной водой и так и остался стоять, утопая ногами в холодном песке. Со стороны это выглядело так, будто кто-то очень сильный и очень неаккуратный взял пригоршню домов, лавок, башен и мостов, швырнул их с ладони — и они легли, как легли, не спросив разрешения ни у берега, ни у ветра.

Улицы Мора были узкими и кривыми, как старые пальцы рыбаков, которые всю жизнь тянули невод. Они сбегали с холмов к порту, виляли между домами, чья штукатурка давно облупилась и обнажила кирпич, рыжий, как кошки, спавшие на подоконниках. На подоконниках тоже цвели герани — упрямые, красные, не знавшие, что в мире есть места, где герани расти не положено. В Море было положено всё.

Море было всем для города. Оно давало ему рыбу — серебристую, скользкую, ещё живую, когда её выгружали на причалы. Оно давало ему туманы — густые, как кисель, который варила бабка Ньярра в своей харчевне на углу Тупика Отчаяния (улица с таким названием была, и никого это не удивляло). Оно давало ему соль — корку на губах, белые разводы на булыжниках, запах, который въедался в одежду, в волосы, в сны.

Но море было и опасностью. Оно забирало рыбаков, которые уплывали на рассвете и не возвращались к закату. Оно грызло мол, оно подмывало фундаменты домов на первой береговой линии, оно однажды — так говорила бабка Ньярра — поднялось так высоко, что волна перехлестнула через колокольню Старой Обители, и колокол издал звук, похожий на стон, и замолчал навсегда.

В Море всё имело свою цену, и всё имело своё имя. Ветер, который дул с севера, звался Глухим — потому что он не слышал ничьих молитв. Ветер с юга звался Тёплым Утешителем — потому что он пах хлебом и чужими землями. Ветер с запада приносил дождь и имел странное имя: Который-Помнит-Всех-Кто-Ушёл. А восточный ветер в Море почти не дул, и это было к лучшему, потому что восточный ветер имел имя Молчащий, и все знали: если он заговорит, то скажет такое, после чего спать станет невозможно.

Словом, город Мор был городом, в котором чувства имели вес, форму, голос и волю. И жили в нём не только люди.

В Море было одно удивительное свойство, которое путешественники отмечали в своих дневниках, а потом зачёркивали, решив, что им показалось. Свойство заключалось в том, что чувства здесь не прятались внутри людей, как мыши в мешке, а ходили прямо по улицам — почти как люди, только чуть менее плотные, чуть более прозрачные, словно нарисованные акварелью поверх реальности. Их можно было встретить на рынке, где они торговались за рыбу и специи наравне с торговцами. Их можно было увидеть в порту, где они стояли на причале и смотрели, как корабли уходят за горизонт. И никто — ни один человек в Море — не считал это странным.

Чувства жили в домах, носили одежду (хотя она им была не особенно нужна), пили вино в тавернах (хотя пьянеть не умели — просто им нравился ритуал) и даже вели между собой счёты, любовные интриги и мелкие войны.

И самыми заметными, самыми могущественными, самыми влиятельными жителями города Мора были двое: Боль и Страх.

Глава вторая. В которой мы знакомимся с Болью, которая была женщиной из рыжего тумана и медных колокольчиков

Боль была красива. Это признавали все, включая она сама, и в этом признании не было ни тщеславия, ни кокетства

— лишь констатация факта, как если бы море сказало: «Я солёное», а небо: «Я голубое». Боль была красива, и красота её была того сорта, от которого хочется отвернуться, но не можешь.

Она была высокой — выше большинства мужчин в Море, что означало: выше почти всех, потому что мужчины в Море были невысокими, жили у моря и всю жизнь сутулились, словно несли на плечах невидимую тяжесть. Боль не сутулилась никогда. Она шла по улицам так, словно улицы были созданы для того, чтобы по ним шла она, — и, в общем-то, так оно и было, потому что каждая улица в Море когда-нибудь да приводила к чьей-то боли.

Волосы у неё были рыжие. Не золотые, не медные, не каштановые — именно рыжие, цвет пожара, который только что утих, но ещё хранит в углях жар, способный вспыхнуть снова. Они вились, и в них, как в морских водорослях, запутывались мелкие предметы: рыбья чешуя, обрывки писем, нитки от чужих рубашек, засушенные цветы — всё, что когда-то причинило кому-то боль и потом было выброшено за ненадобностью. Боль собирала эти обломки, как другие собирают камни на пляже.

Глаза у неё были цвета старой меди — зеленовато-коричневые, с трещинками, как у патинированного колокола. Когда она смотрела на человека, тот чувствовал, как в груди у него что-то звенит — тихо, но непрерывно, словно кто-то очень маленький бил в крошечный медный колокольчик, и

звук этот был одновременно красивым и невыносимым.

Боль носила платье — длинное, тёмно-бордовое, с рваным подолом. Рваным не от небрежности, а от того, что подол путался во всём, мимо чего она проходила: в колючках на пустырях, в дверных петлях, в чужих воспоминаниях. Она не чинила его — это было бесполезно, потому что рваное было её природным состоянием, как мокрое — для моря.

Она жила в доме на улице, которая не имела названия, потому что название у неё когда-то было, но оно стёрлось, как стирается имя с надгробия, которое слишком долго стояло под дождём. Дом был маленьким, с покосившейся крышей и окном, в которое было видно море. На подоконнике стоял горшок с кактусом — единственным растением, которое выносило её общество, и Боль иногда разговаривала с ним, и кактус, по её словам, отвечал, но что именно он говорил, она не рассказывала.

Боль была старше Мора. Она знала это, хотя не могла подтвердить документально. Она помнила, как на этом месте не было ничего — только скала, ветер и гнездо белой чайки, которая возвращалась сюда каждую весну. Потом пришёл первый человек — он устал, сел на камень и заплакал. И в этот момент, сказала Боль, она родилась. Не из его слёз — нет, слёзы были делом Грусти, которая пришла позже, — а из того места между рёбрами, где у человека начинает ныть, когда он понимает, что обратной дороги нет.

С тех пор она не уходила.

Глава третья. В которой мы знакомимся со Страхом, который был мужчиной из серого камня и тишины

Если Боль была огнём, который утих, но не погас, то Страх был тенью, которую отбрасывает стена, когда солнце уже зашло, а луна ещё не взошла. Не тьма — тьма абсолютна и простодушна, тьме всё равно, кого прятать. Тень — разборчива. Тень знает, где лечь, чтобы её не заметили. Тень — это форма, которая умеет притворяться отсутствием.

Страх был худым, узким, с острыми ключицами, которые проступали под его серой рубашкой, как корни дерева, проравшего камень. Лицо у него было узкое, скуластое, и когда он молчал — а он молчал почти всегда, — оно выглядело как маска: неподвижная, гладкая, без единой морщины, словно страх не оставляет следов на лице того, кто сам является страхом.

Волосы у него были чёрные, гладкие, прилизанные — как мокрые водоросли на камне после отлива. Глаза — серые, цвета мокрого сланца, цвета неба перед грозой, цвета воды в луже, в которой отражается окно тюрьмы. Они не смотрели на человека — они скользили по нему, как мокрая ладонь по перилам, и от этого прикосновения хотелось отдёргнуть руку, но рука не слушалась.

Страх носил серое — всегда серое, всех оттенков: от почти белого, как туман, до почти чёрного, как дно колодца.

Серый плащ с капюшоном, серые штаны, серые сапоги, которые не стучали по мостовой, потому что Страх умел ходить бесшумно — даже тише, чем ходила Боль, хотя Боль тоже умела быть тихой, когда хотела. Но тихая Боль — это была другая Боль, Боль, которая подбиралась сзади, Боль-засада, Боль-удар-в-спину, и Страх знал это, и оттого не доверял ей, даже когда она улыбалась. Особенно когда она улыбалась.

Он жил на холме, в самой высокой точке Мора, в доме, который все называли Башней, хотя это был не дом и не башня — скорее, это был вопрос, который кто-то задал камню и небу: «Что будет, если построить вот здесь нечто такое, с чего видно всё?» И камень и небо ответили: «Пожалуйста, вот тебе здание, с которого видно всё, и теперь ты будешь знать, что нет ничего хуже, чем видеть всё».

Из Башни Страх видел весь Мор: порт, рынок, Обитель, тупики, улочки, дома, дворы, дым из труб, бельё на верёвках, кошек на крышах, чаек над водой, огни в окнах — каждый огонёк был человеком, который боялся чего-то, и Страх знал, чего именно, потому что страх оставляет запах, а Страх чуял его, как собака чует кровь.

Он был старше Боли. Он знал это, и она знала это, и между ними из-за этого всегда было лёгкое напряжение, как между двумя родственниками, которые не могут договориться, кто из них старше в роду. Страх родился, когда первый человек, который сел на камень и заплакал, поднял голову и увидел, что наступает ночь. Ночь была тёмной, море было чёрным, и

человек понял, что он один. В этот момент, сказал Страх, он появился — не из тьмы, а из паузы между вдохом и выдохом, из той щели во времени, в которую проваливается всё, на что мы не хотим смотреть.

С тех пор он тоже не уходил.

Глава четвёртая. В которой Боль и Страх встречаются на рынке, и разговор их подобен танцу, в котором оба партнёра держат ножи

Рынок Мора работал по средам и субботам, а также в любой день, когда кому-то нужно было что-то продать или купить, что в Море случалось ежедневно, потому что нужда не знает расписания. Рынок раскинулся на площади между портом и Старой Обителью, и прилавки стояли в таком беспорядке, что казалось, будто их расставлял пьяный краб. Прилавки здесь назывались «лавки», и на них лежало всё: рыба, хлеб, соль, перец, янтарь, амулеты из рыбьих костей, карты, на которых не было ни одной правильной береговой линии, бутылки с туманом, который якобы лечил кашель, и сушёные медузы, которые якобы лечили всё остальное.

По средам на рынке появлялась Боль. Она шла медленно, трогая пальцами ткани на прилавках — шёлк, шерсть, льняное полотно, — и под её пальцами ткани начинали казаться мокрыми, хотя ничего мокрого на них не было. Торговцы косились, но не прогоняли: Боль была постоянной покупательницей, она покупала красные нитки — всегда красные, — и

маленькие медные колокольчики, которые вешала на дверь своего дома, и они звенели, когда кто-то входил, но звенели так тихо, что звон можно было принять за собственное сердцебиение.

По субботам на рынке появлялся Страх. Он не покупал ничего. Он ходил между прилавками, и люди, которых он задевал краем плаща, бледнели и на минуту забывали, зачем пришли. Одна женщина, которая торговала сушёной камбалой, утверждала, что после того, как Страх постоял у её прилавка, вся камбала на три дня начала пахнуть не рыбой, а почему-то старыми квитанциями. Это было, разумеется, невозможно — камбала не может пахнуть квитанциями, — но в Море невозможное было не исключением, а приправой.

В ту среду, с которой начинается наш рассказ, Боль и Страх встретились у прилавка старого Косса, который продавал карты. Старый Косс был человеком или не был человеком — никто не знал наверняка, потому что он был настолько стар, что воспоминания о его молодости уже стали легендой, а легенда — уже забылась. Он сидел за прилавком, маленький, сухой, похожий на корень имбиря, и раскладывал карты с такой тщательностью, словно это были не карты, а страницы из книги, которую он дописывал.

Боль подошла первой. Она взяла карту, развернула её, и палец её, рыжий от чешуек, прошёлся по береговой линии.

— Неправильно, — сказала она. — Здесь, где Мёртвый Риф, должен быть залив. Раньше был залив.

— Залив смыло, — сказал старый Косс, не поднимая головы.

— Нет, — сказала Боль. — Залив не смыло. Залив умер. Это разные вещи.

Она говорила это с интонацией знатока, потому что знала разницу между «смыть» и «умереть» лучше, чем кто-либо в Море. Смытое может вернуться — с приливом, с ветром, с удачей. Умершее — не возвращается. Умершее можно только оплакивать, и именно для этого существовала Боль.

В этот момент к прилавку подошёл Страх. Он не произнёс ни слова — просто встал рядом, и воздух между ним и Болью стал плотнее, как будто кто-то невидимый налил в него клей. Боль не обернулась, но её спина напряглась — она почувствовала его, как чувствует приближение грозы старая собака: не ушами, не глазами, а чем-то более древним, чем органы чувств.

— Ты опять, — сказала Боль, не оборачиваясь.

— Опять, — подтвердил Страх. Голос у него был низкий, ровный, без интонаций, как звук падающего камня в воду: один удар — и тишина.

— Люди умирают, — сказала Боль. — Ты их пугаешь, и они совершают глупости. Вчера рыбак Тюр не вышел в море, потому что ты стоял у его двери. Его дети не ели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.